

ПИР – ЦЕНТР ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В РОССИИ

НАУЧНЫЕ ЗАПИСКИ

№ 6

Константин Макиенко

***СЕРЫЙ* РЫНОК ОРУЖИЯ И ВОЕННОЙ
ТЕХНИКИ В ГОСУДАРСТВАХ СНГ:
ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ
РАЗВИТИЯ.**

МОСКВА, 1997

Научные Записки ПИР-Центра №8

ПИР-ЦЕНТР ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В РОССИИ

НАУЧНЫЕ ЗАПИСКИ

№ 6

КОНСТАНТИН МАКИЕНКО

научный сотрудник
ПИР-Центра

**СЕРЫЙ РЫНОК ОРУЖИЯ И ВОЕННОЙ ТЕХНИКИ В ГОСУДАРСТВАХ
СНГ: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ.**

Под редакцией кандидата политических наук
Дмитрия Евстафьева

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	3
Введение.....	4
Глава I. ПРЕДПОСЫЛКИ АКТИВИЗАЦИИ <i>СЕРОГО</i> ЭКСПОРТА ВООРУЖЕНИЙ В МИРЕ	6
Распад биполярной структуры мира и анархизация международных отношений как стимул <i>серого</i> экспорта	7
Кризис государства-нации на Юге и в зоне бывшего СССР как источник спроса на <i>сером</i> рынке вооружений	10
Природа политических режимов на постсоветском пространстве как предпосылка активизации <i>серого</i> экспорта вооружений	13
Глава II. ПРИМЕР 1. РОССИЙСКИЕ ПОСТАВКИ В ЗАКАВКАЗЬЕ: СПЕЦОПЕРАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ КЛАНОВОЙ КОНКУРЕНЦИИ	15
Общая характеристика ситуации	15
Российские поставки в Закавказье	16
<i>Серые</i> поставки в Азербайджан.....	19
Глава III. ПРИМЕР 2. УКРАИНА: НЕУДАЧНЫЙ ВЫХОД НА ОРУЖЕЙНЫЙ РЫНОК.....	20
Заключение.....	22
Источники, литература и комментарий.....	23

Предисловие

В дискуссии, развернувшейся в нашем обществе по проблемам обороны, безопасности, приоритетов внешней политики и военной реформы, существенное место занимают вопросы, связанные с проблемами продажи и поставок вооружений и военных технологий. И это вполне естественно. *Во-первых*, данная тема привлекает внимание своей сенсационностью и, в определенной мере, скандальностью. *Во-вторых*, она интересна тем, что приоткрывает перед рядовым читателем частичку того сложного и далеко не всегда транспарентного политического механизма, который определяет зарождение и течение многочисленных вооруженных конфликтов.

Мировая торговля оружием и в эпоху *холодной войны*, и после нее играла и продолжает играть существенную роль в политической и военной стабильности в мире. Анализируя события в этой области, можно говорить о том, что динамика конфликтов в развивающихся странах напрямую зависела от поставок вооружения и военной техники. Сейчас торговля вооружениями в значительной степени определяет развитие баланса сил и на региональном уровне. В условиях биполярного мира и *холодной войны*, когда две сверхдержавы, по существу *держали* мировой рынок вооружений под контролем, писать о таком рода вещах было очень трудно. В современных условиях делать это стало значительно проще. Однако и сегодня можно быстро погрузиться в сенсационность и изложение не всегда проверенных данных, не разобравшись, где правда, где домыслы и слухи, а где откровенная дезинформация. Без глубокого проникновения в суть проблемы трудно оценить и довести до сознания широкой общественности действительное геополитическое значение такого явления как *серый* экспорт вооружений.

Тем ограднее представить читателям работу молодого российского специалиста в области военно-технического сотрудничества К. Макиенко. К чести автора, он смог уйти от сенсационности и тем самым вывел свою работу на уровень концептуального обобщения проблемы. Данный труд посвящен исследованию проблем, связанных с полулегальным, так называемым *серым* рынком оружия в государствах СНГ. Для раскрытия полноты

картины в работе дан анализ изменений в военно-политической обстановке и в системе международных отношений, которые прямо или косвенно влияют на расширение *серого* рынка оружия.

Мне представляется весьма логичным то, что ПИР-Центр выпускает работу по вопросам *серого* экспорта вооружений в рамках проекта, посвященного политическому контролю над вооруженными силами. Действительно, события последних лет на постсоветском пространстве продемонстрировали нам, что там, где утрачивается четкий и достаточно жесткий политический контроль за деятельностью оборонных структур, возникает *черный* экспорт вооружений, отзывающийся к тому же усилением контрабанды наркотиков, межнациональными столкновениями, сепаратизмом и, самое главное, появлением феномена *серого* экспорта вооружений.

Нет смысла пересказывать содержание работы. Вместе с тем хотелось бы отметить два главных момента, которые делают ее достойной внимания специалистов: *во-первых*, проведено четкое разграничение между *серым* и легальным рынками оружия; *во-вторых*, обозначены тенденции в этой области, которые ведут к ее криминализации.

Как показывает история, сейчас в мире доминируют конфликты низкой интенсивности, и в этих условиях даже незначительные по стоимости и физическим объемам поставки вооружений становятся весьма существенным геополитическим фактором. Особую тревогу вызывает тенденция выхода части рынка вооружений из под международного контроля и попадание его в руки международного криминального сообщества.

Большой интерес представляют разделы работы, посвященные роли на *сером* рынке вооружений постсоветских государств. В частности, достаточно детально рассмотрен регион Закавказья, а также деятельность Украины, которая среди стран СНГ обладает наиболее значимым, после России, военно-промышленным потенциалом. Рассуждения автора о роли, которую играет *серый* экспорт вооружений в процессе оформления и укрепления постсоветских государств, порождает новое

Научные Записки ПИР-Центра №8

понимание истоков тех геополитических зигзагов, которые мы наблюдаем во многих из них.

Представляемая работа не претендует на всесторонний и полный анализ современной реструктуризации системы международных отношений, она написана для того, чтобы попытаться четче обозначить главные тенденции и проблемы нелегального рынка вооружений. Безусловно, у доклада ПИР-Центра найдется изрядное число критиков, которые, возможно, справедливо отметят спорные моменты работы. Но главная заслуга автора, которую мало кто решится отрицать, заключается в том, что он перенес проблему из сферы бульварной журналистики в область почти классического политологического анализа.

Хотелось бы надеяться на то, что этот труд будет полезен целому ряду исследователей и политиков, которые озабочены проблемами не только собственно торговли оружием, но также и проблемами ВПК и урегулирования международных конфликтов и кризисов.

Генерал-майор запаса
Николай Сергеевич Перников,
кандидат военных наук, профессор

Введение

Мировая торговля вооружениями, а также безвозмездные передачи оружия и военной техники стали во время *холодной войны* важнейшим фактором, влияющим на региональную стабильность в геополитической зоне, определяемой до момента развала советского блока как *третий мир*. Такое положение дел в полной мере сохраняется и после окончания *холодной войны* и вступления мира в эпоху геополитической неопределенности. В основе этого феномена лежит то обстоятельство, что основными производителями вооружений и военной техники (далее ВВТ) являются промышленно развитые страны Северной Америки и Европы, а также Россия и Китай, в то время как основная конфликтогенность была локализована в евразийском римленде и, в меньшей степени, Африке и Латинской Америке, то есть в зоне, государства которой не являлись стратегически значимыми производителями ВВТ. Соответственно, динамика конфликтов в

третьем мире прямо зависела от потоков вооружений с Севера. Именно это обстоятельство определяло особую геополитическую значимость торговли и передач ВВТ.

Несмотря на быстрое развитие военно-промышленных потенциалов ряда стран Ближнего и Среднего Востока, Восточной и Юго-Восточной Азии, в целом эта ситуация сохраняется и по сей день. Рост военно-промышленных мощностей большинства азиатских государств приходится на традиционные виды вооружений - бронетанковую технику, артиллерийские системы, стрелковое вооружение. В то же время важнейшим военно-техническим фактором успеха в вооруженных конфликтах средней интенсивности является превосходство в боевых авиационных комплексах и средствах разведки, управления и связи, то есть в высокотехнологичных ВВТ, монопольным или почти монопольным разработчиком и производителем которых по-прежнему является развитый мир.

Таким образом, передачи вооружений и сейчас в решающей степени определяют динамику баланса сил на региональном уровне, и в этом смысле торговля вооружениями была и остается прежде всего фактором геополитической и военно-стратегической. С определенными оговорками данное положение относится и к *серым* поставкам вооружений. Хотя, как будет показано ниже, развитие *серого* рынка вооружений находится в прямой связи с развившимися после окончания *холодной войны* процессами коммерциализации передач ВВТ, это ни в коей мере не снижает военно-политической значимости *серых* трансфертов. Скрытные трансферты таких легких и компактных видов ВВТ, как переносные зенитные ракетные комплексы, снайперское стрелковое оружие, высокотехнологичные противопехотные мины, приборы ночного видения, средства закрытой тактической радиосвязи, способны самым радикальным образом воздействовать на течение конфликтов низкой интенсивности, которые абсолютно доминируют в мире после завершения операции *Буря в пустыне* в 1991 году. Именно скрытность, дешевизна и *портативность* операций по *серому* экспорту вооружений делают их чрезвычайно эффективным механизмом воздействия на геополитическую динамику

в том или ином регионе мира. Ярким подтверждением этому стала паническая реакция турецких военных на появление у вооруженных групп Курдской Рабочей партии переносных зенитных ракетных комплексов *Игла* (1). После того, как во время очередного рейда турецкой армии в иракский Курдистан курды уничтожили с использованием этого ПЗРК два турецких военных вертолета, военный баланс, по оценкам экспертов, изменился в худшую для турецких вооруженных сил сторону. Поскольку, скорее всего, курды приобрели ПЗРК *Игла* на *сером* рынке, этот пример удачно показывает, как такого рода незначительные по стоимости и физическим объемам поставки становятся весьма существенным геополитическим фактором.

Поскольку понятие *серый* экспорт вооружений получил различное разное толкование, имеет смысл определить его для целей данной работы. В настоящем исследовании под понятием *серый экспорт вооружений* подразумеваются два вида трансфертов.

Во-первых, это поставки оружия, военной техники и оборудования и технологии их производства, а также изделий двойного назначения, осуществляемые различными государствами или их отдельными органами в нарушение норм международного права или обычая. Будучи санкционированными государственной властью страны-экспортера, такие поставки являются незаконными с международной точки зрения. При этом они одновременно могут нарушать и национальное законодательство, но в любом случае предполагают вовлеченность в транзакции государственного аппарата страны - продавца. В большинстве случаев подобный *серый (полулегальный)* экспорт осуществляется спецслужбами, которые далеко не всегда ставят в известность политическое руководство.

Во-вторых, в данном исследовании в эту категорию включены также передачи вооружений, осуществляемые в нарушение национального законодательства страны и без санкции ее государственных органов. В прессе такие поставки иногда называют *черным* экспортом. Данное разделение носит достаточно условный характер. Активно развивающийся процесс криминализации властных структур ряда

постсоциалистических стран, сращение государственного аппарата и мафиозных квазиполитических образований способствует размыванию границы между *серым (полулегальным)* и *черным (нелегальным)* экспортом, что фактически знаменует собой трансформацию совокупности властных институтов таких стран в высокоорганизованную криминальную олигархию. Именно этот феномен получил особенно сильное распространение в ряде постсоциалистических стран, прежде всего в новых независимых государствах (ННГ) - бывших союзных республиках СССР.

Глава I. Предпосылки активизации *серого* экспорта вооружений в мире

1. Распад биполярной структуры мира и анархизация международных отношений как стимул *серого* экспорта

Важнейшим фактором, определившим активизацию полулегального и нелегального экспорта вооружений в последние годы, стал распад биполярной структуры мира и вызванная этим обстоятельством *анархизация* международных отношений. Характерной чертой периода *холодной войны* было наличие построенных на основе вертикальных связей жестких, статичных систем военно-политических блоков и неформальных альянсов с центрами в Москве и Вашингтоне. При всей сложности отношений внутри этих группировок, действия каждой из них на международной арене имели в целом единое целеполагание и направленность. В частности, трансферты вооружений подчинялись логике биполярной конфронтации и в большинстве случаев были направлены на укрепление вооруженных сил союзников и клиентов сверхдержав в третьем мире, то есть носили преимущественно геополитический характер, хотя и коммерческий аспект имел место.

В условиях, когда наличие оружия массового уничтожения (ОМУ) фактически заморозило противостояние на европейском континенте, сделав его статичным (своего рода позиционная война без изменений линии фронта), динамическое противоборство оказалось вынесено в промежуточное социально-политическое пространство, которое и

получило название *третий мир*, где границы зон влияния двух блоков оставались подвижными и где ограниченное и контролируемое применение вооруженной силы было допустимо. Передачи вооружений и обучение военного персонала дружественных режимов и антиправительственных движений являлись для США и СССР одним из самых эффективных методов расширения собственной сферы влияния и дестабилизации оппонентов. Коммерческая составляющая трансфертов вооружений носила ярко выраженный маргинальный характер, по крайней мере для сверхдержав, особенно для Советского Союза. Преимущественно коммерческий экспорт оружия и боевой техники осуществляли прежде всего те субъекты международных отношений, которые в минимальной степени были встроены в логику биполярного противостояния - Франция, Китай, Швеция. Необходимо также отметить, что они занимали специфические ниши мирового оружейного рынка.

В этом смысле можно говорить о том, что рынок ВВТ как таковой начал формироваться только после окончания холодной войны, когда меркантильная составляющая соответствующих транзакций стала резко преобладать над политическими и военно-стратегическими мотивами. Следует отметить, что процесс коммерциализации трансфертов вооружений затронул прежде всего Россию и другие постсоветские государства, а также бывших членов Организации Варшавского договора, обладающих значительным военно-промышленным потенциалом. Причины такого рода смещения приоритетов из военно-политической и стратегической в финансово-экономическую сферы достаточно очевидны.

Резкое сокращение оборонных бюджетов, проводимое в условиях перестройки экономических систем упомянутых стран, отразилось прежде всего на расходах на закупку оружия и военной техники, а также на проведении научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ. В этих условиях экспорт специмущества становится основным, а в ряде случаев единственным источником получения финансовых ресурсов ВПК этих стран.

К этому следует добавить естественное сокращение активности России по безвозмездной передаче вооружений. Это сокращение обусловливается снижением геополитических амбиций России, ее выходом из борьбы за глобальное лидерство, и локализации российской военно-политической активности главным образом в зоне Содружества независимых государств (СНГ) и на непосредственно прилегающих к ней территориях.

Франция сохранила высокую коммерческую мотивацию оружейных продаж, которая была свойственна ей и в период холодной войны. Изменилась лишь риторика обоснования этого экспорта. Если в эпоху биполярного противостояния Париж обосновывал свою активность на рынке вооружений необходимостью предоставить странам-импортерам альтернативный сверхдержавам источник ВВТ, то в настоящее время Франция делает акцент на оппозиции американскому доминированию на данном рынке. Нетрудно заметить, что в этих риторических построениях Франция заняла место бывшего СССР как коммерчески ориентированный противовес экспансии США в области трансфертов вооружений. Добавим также, что в определенной степени это относится и к фактическому положению дел, с той существенной разницей, что, как уже подчеркивалось, в отличие от СССР, Франция рассматривает торговлю вооружениями прежде всего как источник финансовых ресурсов, используя антигегемонистскую риторику лишь как легитимизирующий и рекламный прием.

Возвращаясь к проблеме *серого* экспорта, следует отметить, что в контексте биполярного противостояния понятия *нелегальный* или *полулегальный* экспорт вооружений фактически являлись нонсенсом. Подавляющее большинство оружейных транзакций сверхдержав были настолько же законными, насколько законной являлась сама *холодная война*, а рассуждения о *законности* или *незаконности* холодной войны, очевидно, лишены смысла.

Соответственно, и термин *нелегальный экспорт* неприменим к обстановке фактической войны, лишь принявшей своеобразные невооруженные формы. Наличие в обеих сверхдержавках сильной государственной власти, отсутствие

развитой организованной преступности и эффективный политический контроль за действиями спецслужб практически исключали возможность несанкционированной торговли вооружениями.

Важнейшей чертой ситуации после окончания холодной войны в области трансфертов вооружений стала всеобщая меркантилизация экспорта обычных вооружений, которая, собственно, и привела к возникновению рынка обычных вооружений. Этот процесс прежде всего затронул российскую систему военно-технического сотрудничества, а также систему торговли продукцией оборонного назначения постсоветских государств, особенно Украины и Белоруссии. В меньшей степени феномен меркантилизации проявляется в трансфертах ВВТ, осуществляемых США. Потребности установления контроля за клиентами и союзниками посредством военно-технических связей, прежде всего безвозмездных поставок, в значительной степени сохраняют для США всю свою актуальность, примером чему является военно-техническая политика США в отношении стран Восточной Европы. Вопреки активно продвигаемому средствами массовой информации (СМИ) мнению, восточноевропейские рынки ВВТ еще по крайней мере в течение десятилетия будут оставаться незначительными по емкости. Если активные усилия США по проникновению на эти рынки и диктуются коммерческими соображениями, то только очень долговременного плана. В краткосрочной же перспективе они обусловлены стремлением обеспечить военно-политическое лидерство Вашингтона в стратегически значимой геополитической зоне.

Для России подобная стратегия не является возможной в силу ее финансовой слабости и фактического отсутствия как союзников, так и клиентов, в силу чего бывшая прежде маргинальной торговля оружием и боевой техникой вышла на первый план. Аналогичную эволюцию претерпели большинство постсоветских и постсоциалистических стран.

Усилению коммерческой составляющей в трансфертах вооружений, производимых этими странами, способствует не только снижение их геополитического значения,

но и тяжелый кризис, переживаемый военно-промышленными комплексами данных государств. Так, по оценкам государственной компании *Росвооружение*, до 70 процентов финансовых ресурсов, которые получают предприятия ВПК России, приходит от экспорта их продукции за рубеж.(2). При этом нормальные показатели доли экспорта в финансировании ВПК считаются на уровне не более 10-15 процентов. Экспорт вооружений становится не только главным, а порой и единственным источником финансовых ресурсов, но и необходимым условием для начала серийного производства отдельных образцов вооружений и/или проведения НИОКР по ВВТ. Так, например, контракт на закупку Индией сорока многофункциональных истребителей Су-30МКИ обеспечит не только развертывание их серийного производства в интересах российских военно-воздушных сил (ВВС), но и собственно разработку этого боевого авиационного комплекса. Примеры других российских контрактов на поставку ВВТ, а особенно технологии их производства, также доказывают несомненный приоритет коммерческих факторов перед военно-политическими.

Смена высокой идеологической мотивации военно-технического сотрудничества на приземленную погоню за тривиальной коммерческой выгодой создает благоприятный психологический климат для криминализации чрезвычайно доходной области торговли вооружениями. Если некая деятельность направлена на достижение высокого абстрактного идеала (торжество коммунизма или либеральной демократии, продвижение престижа и влияния своей страны), то уже одним этим априорно задаются жесткие этические, нормативные и организационные рамки, препятствующие проявлениям коррупции и криминала. Снятие таких психологических ограничителей сразу увеличивает риск активизации незаконных операций, особенно если оно интерферирует и резонирует с ослаблением государственной власти.

Второй после коммерциализации трансфертов оружия в мире предпосылкой активизации *серого* экспорта вооружений стал распад одного из альянсов-участников *холодной войны* и ослабление блоковой дисциплины в группировке-победителе.

Современная структура международных отношений качественным образом отличается от существовавшей в период холодной войны. Она имеет все признаки переходного периода, характеризующегося высоким динамизмом, неустойчивостью, ослаблением контроля и нарастанием доли случайных незапрограммированных событий. Ликвидация одного из полюсов мощи и неспособность второго полностью заполнить образовавшийся вакуум влияния привели к анархизации международных отношений в том смысле, что образовалось множество новых мини-полюсов принятия решений, и их действия уже не объединяются общей стратегией одного альянса. Снято сдерживающее и дисциплинирующее воздействие лидеров противостоявших альянсов. Их бывшие участники обладают гораздо более высокой свободой действий, но одновременно лишились ряда преимуществ, которые они имели в условиях *холодной войны*.

Это относится прежде всего к ряду антиправительственных партизанских движений *третьего мира*, получавших оружие, снаряжение и финансовую поддержку от СССР и США, и вынужденных после прекращения *холодной войны* самостоятельно искать источники пополнения своих arsenалов. Данные проблемы должны были возникнуть прежде всего у бывших прозападных группировок, поскольку к 1989 году антизападные партизанские движения либо пришли к власти (Намибия), либо вступили в процесс мирного урегулирования с правительством и разоружились (Сальвадор). Что же касается формирований, получавших поддержку от Запада или связанных с ним режимов, то им пришлось в ряде случаев вести напряженные боевые действия, которые были бы невозможны без поставок военных материалов извне. Даже если предположить, что УНИТА в Анголе, эритрейские сепаратисты в Эфиопии, различные группировки моджахедов в Афганистане создали в восьмидесятые годы запасы оружия, которые позволили им продолжать военные действия и в двух из перечисленных случаев даже одержать победу, анализ интенсивности боев показывает, что они должны были приобретать дополнительные партии боеприпасов, запасных частей, комплектующих и горюче-смазочные материалы.

В еще более острой форме данные проблемы должны были встать перед противостоящими этим партизанским формированиям правительствами. Как уже было сказано, к концу восьмидесятых годов сложилась ситуация, когда большинство антиправительственных движений было ориентировано на Запад. Эта ситуация, кстати, зеркально отражала положение пятидесятых - шестидесятых годов, когда большинство антиправительственных движений в мире были антизападными, иногда прокоммунистическими и просоветскими, а правительства, противостоявшие им, - в значительной части прозападными. Подобного рода инверсия стала ничем иным, как индикатором близкого кризиса советского полюса мира, который перешел от попыток изменить существующий статус-кво, к стремлению его сохранить, то есть фактически от экспансии к стратегической обороне.

Даже после начала процесса потепления международных отношений прозападные партизанские группировки с высокой степенью вероятности могли продолжать получать оружие и боеприпасы от правительств США и стран Западной Европы. Соответственно, оппозиционные им политические режимы были связаны с Москвой, которая к этому времени уже полностью игнорировала своих бывших партнеров в Азии, Африке и Латинской Америке.

Естественно, что в период 1989-1992 годов правительства в Манауга, Луанде, Аддис-Абебе, Кабуле и Пномпене должны были активно искать альтернативные источники сохранения своих вооруженных потенциалов, создавая тем самым организационную инфраструктуру будущих потоков *серого* экспорта вооружений. В открытой прессе существует подтверждение этой гипотезы в отношении как минимум одного из указанных случаев. Известно, что эфиопский режим Менгисту Хайле Мариама, столкнувшись с проблемой нехватки военно-технических ресурсов, возникшей как следствие горбачевского курса на свертывание поддержки бывших советских клиентов в *третьем мире*, успешно создал альтернативные источники тайного снабжения, в частности, из Израиля. Информация о других аналогичных каналах отсутствует (кроме, пожалуй, ограниченных индийских

поставок вооружений режиму Наджибуллы), однако сам факт неудовлетворенного спроса должен был создавать соответствующее предложение, причем самым достоверным вариантом такого предложения представляются секретные *серые* поставки.

Ситуация в современном мире характеризуется наличием двух разнонаправленных тенденций. *Первая* из них - уже упомянутые процессы фрагментации и анархизации системы международных отношений. *Вторая* заключается в стремлении сохранившегося полюса силы - США - максимально распространить свое влияние в мире, частично заполнив при этом вакуум, образовавшийся в результате распада советской сферы влияния. Это стремление находит свое теоретическое отражение в рамках концепции *расширения*, доминирующей в настоящее время в военно-политической мысли США. Данная тенденция встречает противодействие некоторых режимов, которые в ответ подвергаются прямому или косвенному давлению. Используя международные организации, США сумели установить формальную блокаду Ливии, Ирака и Сербии. Вашингтон также активно противодействует развитию военно-технических связей Сирии, Ирана, КНДР. Санкциям могут быть подвергнуты государства и корпорации, осуществляющие контакты в военной области с указанными странами. Одним из самых последних примеров такого рода стала реакция США на возможность поставок из ЮАР в Сирию современных систем управления танковым огнем. Вашингтону оказалось достаточным выразить свою обеспокоенность, чтобы правительство ЮАР сразу же приостановило работу по контракту. В данном случае можно говорить об очевидной попытке лимитировать военно-экономическое сотрудничество Сирии с другим суверенным государством.

Стремление США ограничить военно-технические связи внесенных в *черный список* государств приводит к развитию неафишируемых, а в ряде случаев - конфиденциальных каналов торговли оружием. Практика показывает, что любая блокада в конечном счете оказывается малоэффективной, но приводит к изменениям в структуре и качестве

внешнеэкономических связей блокируемого государства. Место государства занимают криминальные и полукриминальные коммерческие структуры, а в ряде случаев - спецслужбы. Иными словами, попытки блокады ведут к криминализации торговых потоков, а не к их перекрытию. Таким образом, своими действиями США объективно способствуют созданию организационной, информационной, транспортной и кадровой инфраструктуры *серого* экспорта вооружений.

Продажа на *черном* и *сером* рынке вооружений становится все более важным источником приобретения оружия, которое нельзя купить на открытом рынке или поставлять так называемым *государствам - париям*, под которыми подразумеваются прежде всего режимы, находящиеся в идеологической и военно-политической оппозиции Соединенным Штатам Америки, но при этом недостаточно мощные для того, чтобы Вашингтон вынужден был считаться с ними, как это имеет место в случае с материковым Китаем.

По свидетельству американских источников, такие страны, как Иран или Ирак, продолжают предпринимать энергичные усилия, направленные на создание тайных сетей нелегального приобретения и поставок военной техники с использованием возможностей *черного* и *серого* рынков. Такие закупки охватывают весь диапазон техники и услуг - от легкого стрелкового оружия до технологий, которые могут обеспечить производство ОМУ (3). Сочетание двух факторов - стремления США к безусловному лидерству, с одной стороны, и нехватка ресурсов влияния для реализации подобных интенций, с другой, приводят к развитию *серого* рынка вооружений.

2. Кризис государства-нации на Юге и в зоне бывшего СССР как источник спроса на *сером* рынке вооружений

Окончание *холодной войны* привело не только к изменениям в конфигурации субъектов международных отношений (МО), но и к более глубокой эволюции самой природы этих субъектов. Хорошо известно, что системообразующим элементом мировой политики является государство-нация, современная форма которого возникла в Европе на рубеже

Средневековья и Нового Времени. Однако после 1991 года стала отчетливо проявляться тенденция нарастания кризиса государства как главного элемента системы МО. Основным проявлением этого кризиса является рост реальных возможностей внегосударственных транснациональных субъектов, к числу которых относятся международные мафиозно-криминальные картели, неформальные диаспоральные группировки, транснациональные корпорации. К этому следует добавить быстрый рост могущества инфрагосударственных формирований, построенных на этнической, конфессиональной, клановой и племенной основе. В ряде случаев можно констатировать фактическую ликвидацию государственности или стабильную долговременную потерю государственного контроля за частью территории страны.

В настоящее время существует как минимум три случая фактического прекращения существования государства - Либерея, Сомали и Афганистан. Сюда же можно отнести цивилизационную химеру Боснии, которая, едва получив независимость, немедленно оказалась потрясена внутренним вооруженным конфликтом, результатом которого стало де-факто прекращение ее существования.

Центральная власть в каждой из этих стран оказалась де-факто ликвидирована. Самопровозглашенные правительства контролируют только часть территории страны, иногда разделенной оказывается даже столица. Территория поделена на зоны контроля конкурирующих военно-политических формирований, число которых в каждом случае превышает два, что позволяет говорить не просто о классической гражданской войне, но о конфликте по модели *война всех против всех*.

Следует отметить, что существует принципиальная возможность развития ситуации по описанному сценарию в целом ряде государств Африки и Ближнего Востока. Основной предпосылкой коллапса центральной государственной власти в каждой из них выступает отсутствие национального самосознания и сколько-нибудь глубокой традиции национально-государственного строительства. Самоидентификационные предпочтения населения угрожаемых зон лежат либо в

области инфранациональной (племенной, семейной, клановой), либо супернациональной (конфессиональной, расовой) субъектности. Государство-нация как универсальная форма политической организации общества получила глобальное распространение лишь после первой мировой войны, когда западные цивилизационные структуры вступили в апогей своего могущества и влияния. До этого момента феномен государства-нации оставался локализован на Европейском континенте.

Однако развивающийся в настоящее время в незападном мире процесс сопротивления вестернизации и поиска отличных от западной и эффективных моделей государственного строительства проявляется и в отторжении традиционными обществами инфильтрированной чужеродной модели государства-нации. Проявлением именно этого процесса стал кувейтский кризис 1990-1991 годов, который, помимо всего прочего, показал, что деструктивные по отношению к государственному статус-кво тенденции в Персидском заливе будут сдерживаться внешними силами ввиду стратегической значимости региона. Однако в Африке и других стратегически менее значимых районах мира нельзя исключать дальнейшей актуализации описанной тенденции, развитие которой может привести к существенному изменению территориального статус-кво.

На месте коллапсирующих государств возникают значительные по размерам *вакуумные*, или *серые*, зоны, где отсутствует не просто центральная государственная власть, но порой всякая власть вообще. На таких территориях происходит перманентная борьба *полевых командиров*, региональных военно-политических лидеров и криминальных группировок.

Понятно, что существование подобного рода *серых* зон, вышедших из-под всякого эффективного государственного контроля и ставших черными информационными дырами, создает более чем благоприятную обстановку для развертывания инфраструктуры нелегальной торговли оружием, а также устойчивый спрос на него. Недаром целый ряд отрывочных сообщений, по которым только и могут домысливать направление потоков *серого*

экспорта наблюдатели, не имеющие доступ к закрытой информации, касался перехвата оружия, идущего в Афганистан, Руанду и Боснию, тот есть территории, на которых государство в тот или иной момент не существовало.

В отношении Афганистана наиболее известным примером стал перехват и принудительная посадка в Кандагаре авиацией движения *Талибан* транспортного самолета Ил-76, пилотирувавшегося российским экипажем и осуществлявшим перевозку боеприпасов для стрелкового вооружения, закупленного правительством Раббани в Албании. Телевидение ряда европейских стран сообщило также о поставках английских вооружений в Руанду. А быстрый рост военного потенциала армии боснийских мусульман в завершающий период боевых действий в Боснии не оставляет сомнений в том, что вооруженные силы официального правительства Боснии и Герцеговины получали извне значительные количества вооружений и помощь в их освоении.

Еще более многочисленными являются случаи персистентного сосуществования слабой центральной государственной власти и оппозиционного вооруженного формирования, настолько устойчиво контролирующего часть территории страны, что в состоянии создать там квазигосударственные органы административного управления. В качестве примеров подобного рода можно привести Камбоджу, Бирму, Северный Ирак, Судан. Сюда же можно отнести Пакистан, власти которого, по всей видимости, утратили эффективный контроль в населенной пуштунами зоне племен на Северо-Западе. Характерно, что во многих случаях на вышедших из-под государственного контроля территориях не создано альтернативных протогосударственных структур, но сомневаться в существовании налаженных каналов их снабжения оружием не приходится.

Проведенные в последние годы исследования показали, что каждая из группировок стремится максимально использовать ресурсы контролируемой ею территории прежде всего для наращивания своей вооруженной мощи.

В качестве таких ресурсов выступают:

- природные богатства, эксплуатация

которых не требует больших финансовых вложений и сложной технической инфраструктуры. Чаще всего в качестве таковых выступают ценные породы деревьев, драгоценные и полудрагоценные камни, каучук;

- контроль за важными транспортными артериями или объектами транспортной инфраструктуры: проходами в горах, морскими терминалами, аэропортами;
- наиболее важным источником ресурсов становится производство, транспортировка и продажа наркотических веществ. Наркобизнес становится такой сферой деятельности, где интерферируют интересы вооруженных формирований политической и чисто криминальной природы, что приводит либо к установлению между ними альянсов, как в Колумбии, либо мимикрии армий наркобаронов под национальные (армия Кхун Са в Бирме) или социальные (движение *Тупак Амару* в Перу) движения. В Афганистане производство героина превратилось в основу экономических систем противоборствующих сторон. По оценкам аналитиков Федеральной пограничной службы России (ФПС), на территории только северного Афганистана размещены промышленные мощности, способные произвести героина на сумму в 20 млрд. долларов (4).

Стабильная долговременная потеря контроля за частью территории страны особенно характерна для геополитического пространства бывшего Советского Союза, когда на территории ННГ появился целый ряд непризнанных государственных образований. К числу таких фактических государств относятся *Приднестровская Молдавская Республика* (ПМР), *Нагорно-Карабахская Республика* (НКР), *Республика Ичкерия* (Чечня), Южная Осетия. В каждом из этих квазигосударственных образований созданы властные органы, вооруженные силы, в некоторых случаях были предприняты попытки создания собственных финансовых систем. Особое значение имеет то обстоятельство, что все без исключения непризнанные мировым сообществом государства были вовлечены в конфликты разной степени продолжительности и интенсивности.

Несмотря на то, что в настоящее время все эти конфликты переведены из открытой в латентную фазу, вероятность их новой актуализации остается весьма высокой. Это вынуждает руководство сепаратистских территорий уделять постоянное внимание вопросу наращивания боевого потенциала своих вооруженных сил. Отметим также, что этот потенциал изначально был весьма высок, поскольку лишь в Южной Осетии и Приднестровье вооруженные конфликты были прекращены в результате активных миротворческих усилий России в ситуации незавершенности процесса вооруженного противоборства и неясности его конечных результатов в случае дальнейшего развития процесса в чистом виде без вмешательства третьей стороны. В Абхазии, Чечне и Нагорном Карабахе претендующие на сецессию силы добились прямой военной победы, вынудив метрополию считаться с собственным существованием в силу неспособности последних предпринять эффективные военные меры по ликвидации первых.

Очевидно, что поскольку каждое из упомянутых квазигосударственных образований не было признано ни мировым сообществом, ни отдельными его членами, то любые трансферты вооружений этим сторонам с формальной точки зрения априорно являются нелегальным или полулегальным экспортом. Само же существование этих и подобных им образований (например, *Турецкой Республики Северного Кипра*), равно как партизанских и наркокартельных зон вне эффективного государственного контроля создает стабильный долговременный относительно платежеспособный спрос на вооружения, удовлетворяемый в ходе нелегальных поставок.

Существование высокоразвитых квазиинституциональных политических субъектов, которые могут в ряде случаев создавать реальную конкуренцию государственному аппарату страны, создают обстановку деградации и коррумпированности госорганов. Примером такого рода могут служить некоторые государства Латинской Америки, страдающие от неспособности ликвидировать наркокартели. В результате вся политическая система таких стран оказывается пораженной коррупцией, становящейся благоприятной средой активизации не только наркопроизводства и

торговли, но и нелегального оружейного бизнеса. Так, представители боливийского правительства обвинялись в выдаче нелегальным торговцам оружия сертификатов конечного потребителя, подписанные несуществующими военными руководителями. Один из таких сертификатов был использован болгарским государственным агентством по торговле вооружениями *Кинтекс* для нелегальной отправки в Хорватию нескольких партий изготовленных в Болгарии минометов, зенитных управляемых ракет, артиллерийских снарядов большого калибра и стрелкового вооружения, предназначавшегося якобы министерству обороны Боливии. Считается также, что Боливия выдавала дипломатические паспорта по крайней мере трем лицам, подозреваемым в нелегальной торговле оружием.

3. Природа политических режимов на постсоветском пространстве как предпосылка активизации *серого* экспорта вооружений

После пяти лет независимого развития ННГ, проясняются основные социальные характеристики образовавшихся и стабилизировавшихся в этих государствах политических режимов. В настоящее время с довольно высокой степенью научной корректности можно констатировать, что попытка транзиции от идеократической тоталитарной модели к модели либерально-демократической в целом имела крайне ограниченный успех.

Есть определенные основания охарактеризовать созданную олигархией экономическую систему как систему *трофейной* экономики. Объекты собственности или ресурсы, над которыми устанавливается контроль олигархических группировок, не рассматриваются последними как необходимое условие долговременной экономической активности, то есть новые собственники не являются стратегическими инвесторами, а стремятся форсированными темпами получить максимально возможную прибыль. Итогом деятельности такой экономики становится монетаризация накопленных предыдущими поколениями ресурсов с целью личного или корпоративного их присвоения и обогащения при полном отсутствии общенациональной надличной мотивации.

Основными субъектами внутриполитического процесса и экономического развития становятся кланово-клиентельные политико-финансово-экономические группировки, обладающие весьма значительными ресурсами в области СМИ. Главным источником экономического развития мимикрирующих олигархий является форсированный расход легкодоступных природных ресурсов, добыча и транспортировка которых не требует значительных инвестиций, а также интенсивная продажа национальных ресурсов вообще.

В интересующей нас области общий принцип экономического функционирования мимикрирующей олигархии находит свое выражение в стремлении различных групп военно-политического и промышленного истеблишмента, имеющих доступ к запасам военного имущества или мощностям его производства, к распродаже вооружений и военной техники. ВВТ рассматриваются военными чиновниками представителями ВПК, под контролем которых она находится, как своеобразный личный *трофей*, который должен быть конвертирован в денежную форму. Показательным в этом отношении является тот факт, что в первые пореформенные годы министерство обороны России имело право на реализацию списанных ВВТ. Была создана специализированная фирма Воентех, занимавшаяся продажей такого имущества.

Поскольку легальный рынок вооружений имеет ограниченную емкость, имеющую стойкую тенденцию к ее дальнейшему сокращению, и выход на него как правило затруднен из-за разного рода институциональных, правовых, политических и организационных ограничений, получившие доступ к военному имуществу клановые группы стремятся выйти преимущественно именно на *серый* рынок вооружений, работа на котором позволяет им кроме всего прочего выводить получаемые прибыли из-под государственного контроля. Характерно, что именно *Воентех* обвинялся в *серых* поставках вертолетов и другой боевой техники в регионы локальных конфликтов, например, тамильским сепаратистам на Шри-Ланке.

Еще более примечательно, что в августе с.г. *Воентех* был практически воссоздан указом президента РФ, правда, под иным именем – *Промэкспорт* и с иной структурой управления, но с практически идентичными задачами.

Следует также отметить тот факт, что криминально-олигархический политический режим характеризуется резким ослаблением эффективности действий государственных органов вообще, и тех из них, которые призваны осуществлять контроль за экспортом чувствительного оборудования и материалов, в частности. В этом смысле можно констатировать, что попытки реформирования идеократического тоталитаризма, инициированные в свое время именно по причине его неконкурентоспособности как системы по сравнению с западными либеральными полиархиями, привели в конечном итоге не к ликвидации такого рода состояния неэффективности, а к ухудшению ситуации и обострению проблемы. В сочетании с отмеченными ранее факторами увеличения спроса на оружие в связи с распространением инфра- и квазигосударственных формирований, которые вскоре могут стать столь же универсальными, как бывшие до сих пор системообразующими элементами системы международных отношений государства-нации, подобного рода деградация государственных структур постсоветских государств становится одним из главных факторов развития *серого* рынка вооружений. В качестве примеров такого рода можно привести Украину и Россию, которые будут подробно рассмотрены ниже.

Однако признанным лидером в области осуществления операций по *серым* поставкам считается Болгария. По имеющейся информации, еще в период *холодной войны* болгарские спецслужбы и внешнеторговые организации специализировались на проведении конфиденциальных поставок вооружений. Очевидно, это обстоятельство сыграло свою роль в том, что и сегодня болгарское государственное агентство по экспорту вооружений *Кинтекс* является рекордсменом в деловой активности на таком рынке. Еще в 1989 году *Кинтекс* вел торговые операции с Ираком на сумму 43 миллиона долларов, поставляя

оборудование для двух заводов в иракском центре, который работал над программами ядерного оружия и баллистических ракет(5). Американские источники утверждают, что в целом в 1992-1993 годах *Кинтекс* осуществил примерно десять - двенадцать сделок по контрабандной доставке оружия бывшей Югославии на сумму около 100 миллионов долларов.

По мнению американских аналитиков, выводы которых, впрочем, могут быть инкрустированы в логику активных информационных мероприятий спецслужб, емкость *серого* рынка вооружений в последние годы была стабильной или даже росла. Признавая, что сложно получить точные оценки объемов *черного* и *серого* рынков вооружений для любого данного года, эти аналитики все же оценили объем таких рынков от одного - двух миллиардов долларов в неблагоприятные годы до пяти - десяти миллиардов в годы пикового роста. В любой данный год лишь небольшое число государств может стать основными получателями большей части такого рода продукции. Так, например, несмотря на наличие эмбарго, или, вернее, благодаря таковому, в Боснию было переправлено вооружение вероятной стоимостью 2 миллиарда долларов (6).

Таким образом, подводя итог обзора предпосылок развития *серого* рынка ВВТ, можно выделить следующие основные причины его роста в период после окончания холодной войны.

1. Анархизация и фрагментация системы международных отношений, последовавшая после краха жесткой и статичной биполярной системы международных отношений. Связанная с этим активизация процесса меркантилизации трансфертов вооружений, десакрализация мотивации основных экспортеров товаров и услуг военного и двойного назначения.

2. Глубокий кризис государства-нации как основного элемента МО, затронувший азиатские и африканские страны. Коллапс ряда государств, выход из-под контроля центральных правительств значительных территорий, контролируемых партизанскими или мафиозно-криминальными вооруженными группами. Распространение и рост *серых*, или *вакуумных*, зон, характеризующихся

отсутствием вообще всякой государственной власти и источников информации о происходящих в этих зонах процессах. Появление и увеличение числа непризнанных квазигосударственных образований.

3. Деграция государственного механизма ряда постсоветских и постсоциалистических стран, наступившая на этапе попытки трансформации коммунистических режимов в режимы либерально-демократические, мутация некоторых из этих режимов в криминально-олигархические системы, неспособные на реализацию внятной общенациональной политики, в том числе и в области трансфертов вооружений. Стремление клановых групп максимизировать прибыль за счет форсированной интенсивной распродажи накопленного ресурсного потенциала, в том числе и в военно-технической области.

4. Стремление США к военно-политическому и идеологическому доминированию в мире. Организация Вашингтоном при поддержке контролируемых им международных институтов блокады государств - лидеров антизападного сопротивления. Выталкивание этих государств из поля легального оружейного бизнеса объективно вынуждает их создавать инфраструктуру нелегальных трансфертов вооружений.

Глава II. Пример 1. Российские поставки в закавказье: спецоперация в контексте клановой конкуренции

Общая характеристика ситуации

Российская ситуация с нелегальными продажами вооружений характеризуется наличием целого ряда из перечисленных в первой главе факторов, способствующих активизации *серого* экспорта вооружений. Прежде всего следует отметить прогрессирующую деграцию государственного аппарата Российской Федерации, начавшуюся еще в советское время и особенно усилившуюся во второй половине восьмидесятых годов. Ситуация в области государственного контроля за торговлей оружием резко ухудшилась в момент распада СССР и в первые годы существования РФ, когда объективные

проблемы, связанные с дестабилизацией работы госорганов в результате коллапса страны, наложились на период активного формирования олигархического режима и начало конкуренции клановых объединений.

В 1992 году вице-президент Александр Руцкой утверждал, что масштабы нелегальной коммерческой деятельности в области торговли специмуществом *неизмеримы*. По оценкам МВД России, сбыт российского вооружения на черном рынке не менее чем вдвое превышал показатели продаж на открытом рынке (7). В условиях катастрофического падения жизненного уровня офицеров младшего и среднего звена и работников оборонных предприятий при одновременном росте спроса на вооружения на фоне разгоревшихся конфликтов в Приднестровье, Абхазии, Южной Осетии, Карабахе и Таджикистане *серые* каналы сбыта стали одним из главных источников корпоративного и персонального экономического выживания. Техника нелегально распродалась военными должностными лицами с целью обеспечить питанием своих подчиненных и для предотвращения их обнищания в условиях высокой инфляции и начавшихся задержек зарплаты, особенно в частях и подразделениях советских/российских вооруженных сил, находившихся на территории новых независимых государств, но сохранивших подчинение Москве.

Ситуация стабилизировалась после ликвидации системы политико-бюрократического многоцентризма в октябре 1993 года, за которым последовало создание относительно эффективной структуры военно-технического сотрудничества (ВТС). Введение государственной монополии на торговлю специмуществом, установление формального президентского контроля за сферой ВТС, который реально осуществлялся Службой безопасности президента (СБП), одной из немногих эффективно действовавших тогда государственных структур, привели к вытеснению сферы оружейного бизнеса криминальных персонажей и институтов или, как минимум, большей части из них. Это не свидетельствует о том, что нелегальные поставки были полностью свернуты, но их масштаб, по всей видимости, резко сократился.

В этой связи особый интерес представляет кризис, связанный с разглашением некоторыми должностными лицами в исполнительной и законодательной ветвях власти информации о российских поставках военного имущества в Закавказье.

Российские поставки в Закавказье
Скандал разгорелся после того, как второго апреля 1997 года генерал-лейтенант Лев Рохлин, председатель комитета по обороне Государственной думы Федерального собрания России представил депутатам информацию о парламентском расследовании фактов незаконной поставки оружия из России в Армению. Ранее факт таких поставок был обнародован министром по делам СНГ Аманом Тулеевым. По заявлению министра, в 1994-1996 годах министерство обороны безвозмездно и незаконно передало Армении несколько десятков танков и боевых машин пехоты на общую сумму 271 миллиард рублей. Эти данные были затем подтверждены министром обороны Игорем Родионовым, который провел в своем ведомстве проверку по запросу Контрольного управления администрации президента. По информации генерала Рохлина, раздел собственности дислоцировавшейся в Армении 7-й гвардейской армии бывшего СССР был завершен в 1992 году. Позднее, в 1993-1996 годах Еревану было передано дополнительно некоторое количество вооружений и боеприпасов. В акте комиссии генерала Рохлина отмечены факты передач следующего военного имущества:

- ракетно-артиллерийского вооружения - более 9,5 тысяч единиц;
- около 600 вагонов боеприпасов;
- 72 единицы бронетанкового вооружения и техники. (8)

Таблица 1. Стоимость основных типов боевой техники и вооружения, переданного в 1994-1996 годах Россией Армении по данным председателя Комитета по обороне Льва Рохлина (9)

Научные Записки ПИР-Центра №8

Вооружение	Общая стоимость, млн. долларов
32 ракеты Р-17	6,72
27 зенитных ракетных комплексов <i>Круг</i>	8,1
39 ракет к ЗРК <i>Круг</i>	104,7
40 ракет к ЗРК <i>Оса</i>	8
84 танка Т-72	100,8
50 БМП-2	14
18 РСЗО <i>Град</i>	4,5
26 минометов	0,312
40 ПЗРК <i>Игла</i>	1,6
200 ракет к ПЗРК <i>Игла</i>	8
20 станковых гранатометов	0,05
306 пулеметов	0,122
7910 автоматов	0,949
1847 пистолетов	0,11
Снаряды	195,664
снаряды к БМП-2	14,3544
4 БМП ПТУР	1,32

По оценке генерала Рохлина (которая, как представляется, чрезмерно драматизирует ситуацию), 24 оперативно-тактических ракет и боеголовок к комплексу Р-17 хватает для того, чтобы полностью разрушить Баку. Специалисты из Армении прошли соответствующую подготовку по работе на данных комплексах на полигоне Капустин Яр с 23 мая по 19 июня 1996 года (10). Генерал утверждает, что финансовые потери России составили один миллиард долларов. На указанную сумму военнослужащие могли бы получить 30 тысяч квартир или обеспечить зарплату всем офицерам и прапорщикам вооруженных сил России за три месяца. Эта сумма, составляющая половину от выделенных в бюджете ассигнований на закупки вооружения в 1996 году, могла бы обеспечить работой весь комплекс оборонных предприятий в течение полугода. По утверждению Льва Рохлина, ни один крупный шаг в министерстве обороны не делался без ведома Павла Грачева. После его увольнения поставки продолжались скрытно от вновь назначенного министра обороны. Последняя поставка дефицитных танковых управляемых снарядов была осуществлена 27 октября 1996 года (11).

Для перевозки имущества в Армению было совершено 139 рейсов тяжелых военно-транспортных самолетов Ан-124 *Руслан* и Ил-76, общие затраты на которые составили около восьми миллиардов рублей.

Спецслужбы России подтвердили, что располагают фактами незаконных поставок российского оружия, причем не только Армении, но также Азербайджану, Туркмении и ряду других стран СНГ. Согласно информации газеты *Сегодня*, полученной от “высокопоставленного представителя” ФСБ России, поставки осуществлялись через посреднические фирмы, в обход официальных структур(12).

Главное контрольное управление при президенте распространило 14 апреля пресс-релиз, в котором утверждало, что “ни президент, ни правительство России не принимали решений, разрешающих поставки оружия в Армению”(13).

3. Российские поставки в Армению как фактор сдерживания.

Факт незаконных российских поставок в Армению можно считать доказанным. Однако простая констатация наличия этого факта не является достаточной для описания ситуации во всей ее сложности. Дело в том, что ВТС России со странами, граничащими с Турцией, имеет одну важную особенность. Как уже отмечалось, в целом российский военный экспорт отличается доминированием коммерческих мотивов над стратегическими и военно-политическими резонами. Однако военно-техническое сотрудничество России со странами Восточного Средиземноморья имеет более комплексную мотивацию. Наряду с чисто меркантильными факторами, которые доминируют в транзакциях с Турцией, частично с Кипром, в нем присутствует и учет стратегических интересов России на Кавказе и Балканах.

Наиболее точным индикатором соотношения геополитических и коммерческих мотивов в передачах вооружений является доля безвозмездных и льготных поставок во всем объеме экспорта ВВТ. Интересно отметить, что единственная за последние года безвозмездная передача тяжелого вооружения, была осуществлена ГК *Росвооружение* в Болгарию, которая получила по сто единиц танков Т-72 и

БМП-2. Обращает на себя внимание, что несостоявшийся контракт на поставку Болгарии 14 единиц многофункциональных истребителей МиГ-29СМ предусматривал весьма льготные для покупателя условия: предоставление российского кредита на сумму 450 миллионов долларов, а также обязательство ВПК МАПО передать на пловдивский завод заказы на модернизацию истребителей МиГ-21.

Все это также свидетельствует о не столько коммерческом, сколько стратегическом интересе России в данном регионе. Возможно, что в эту же логику вписаны и поставки российского военного имущества в Армению.

Наращивание российской активности в области военно-технического сотрудничества с сопредельными с Турцией государствами призвано, по всей видимости, стать инструментом геополитического сдерживания Анкары, которая интенсивно наращивает в последние годы свой военный и военно-промышленный потенциал.

Так, в середине апреля 1997 года Турция объявила, что собирается инвестировать в модернизацию своих вооруженных сил, вторых по численности в НАТО, 31 млрд. долларов. Программа нацелена прежде всего на достижение самообеспечения основными видами военной продукции, которое предполагается достичь путем создания высокоразвитой национальной военной промышленности. Такая цель ставится главным образом потому, что в последние годы Турция столкнулась с рядом случаев, когда ее западные партнеры отказались продавать ей некоторые виды вооружений в связи с фактами нарушения прав человека в этой стране (14). Ранее сообщалось о намерении Анкары потратить на закупки вооружений для армии и жандармерии в ближайшие 25 лет сумму в 150 млрд. долларов. Наиболее амбициозный и важный с точки зрения роста военно-промышленного потенциала Турции проект связан с лицензионным производством на предприятиях национальной авиационной корпорации ТАИ истребителей F-16C/D. Стоимость этого проекта оценивается в 3,5 млрд. долларов. Всего предполагается произвести 320 истребителей, половина из которых будет передана Египту (15). Всего в ближайшие 10 лет программой

модернизации вооруженных сил предусматривается, по словам министра национальной обороны Турхана Таяна, приобрести 108 вертолетов различного назначения, шесть с половиной тысяч единиц бронетехники, пять фрегатов, 18 минных тральщиков, семь самолетов-заправщиков, 10 самолетов различного назначения, 322 РЛС, автоматизированные системы управления огнем, комплексы связи и радиостанции.

Помимо активных усилий по закупкам современных вооружений, обладание которыми резко повысит военный потенциал турецких вооруженных сил, Анкара стремится добиться самообеспечения в деле производства оружия и военной техники. В августе 1996 года премьер-министр Турции Эрбакан заявил, что если в настоящее время Турция производит только 25 процентов необходимых ей вооружений, а 75 процентов приобретает за рубежом, то после 2000 года турецкая промышленность будет самостоятельно производить большую часть техники для удовлетворения своих нужд, и даже будет экспортировать военные изделия в страны, являющиеся в настоящее время основными производителями вооружений (16).

Для повышения возможностей вооруженных сил страны военно-политическое руководство Турции в ближайшие тридцать лет планирует вдвое увеличить расходы на оборону. На эти средства до 2026 года будут закуплены 640 современных боевых самолетов, 750 вертолетов и 14 новейших фрегатов.

Эти и другие факты показывают, что в среднесрочной перспективе можно ожидать превращения Турции в региональную военную сверхдержаву. Ни одно из государств региона не в состоянии сбалансировать наращивание турецкого военного и военно-промышленного потенциала. Однако в целом геополитическая внешняя среда Турции является весьма напряженной, поскольку практически все ее соседи остаются ее историческими конкурентами и противниками. Это относится как к европейским государствам православного культурного ареала (Болгарии и Греции), так и к арабским странам (Сирии и Ираку) и Ирану. Не является исключением и Армения. Очевидно, в условиях

доминирования двух разнонаправленных тенденций - динамичного экономического, демографического и военного роста Турции, с одной стороны, и нарастающих энтропийных процессов деградации российского общества и государства, с другой, - передачи российских вооружений в зону внешнего геополитического окружения Турции становится одним из наиболее эффективных и дешевых методов поддержания военно-стратегического баланса для сдерживания возможных экспансионистских устремлений турецких военных.

3. Серые поставки в Азербайджан.

Оппонент Армении по вопросу о карабахском урегулировании также обвиняется в нелегальном получении вооружений и военной техники. При распаде СССР Баку получил от советской армии в 2,5 раза больше тяжелого вооружения и в 20 раз больше боеприпасов, чем Армения. В период существования Закавказского военного округа хранившееся в Азербайджанской ССР вооружение и боеприпасы являлись стратегическим резервом штаба Южного направления и насчитывали около 10 тысяч вагонов (17). После вывода российских войск из Азербайджана последний получил в свое безраздельное пользование все вооружение, технику и военную инфраструктуру, оставшиеся на его территории в наследство от военных баз и войсковых частей Советской армии: четыре мотострелковые дивизии, воздушно-десантную дивизию, бригаду специального назначения, три бригады ПВО, четыре базы ВВС, Каспийскую военную флотилию и Габалинскую РЛС. Кроме того, в период боевых действий 1992-1994 годов армия Азербайджана в значительной степени пополнялась вооружением и экипировкой НАТО. В настоящее время около 1000 кадровых военнослужащих азербайджанских вооруженных сил проходят обучение в военных учебных заведениях Турции, а также приобретают боевой опыт в составе частей турецкого спецназа в операциях против курдских повстанцев.

Крупнейшим партнером Турции по организации *серой* торговли вооружениями является Германия. На развитие германо-турецких нелегальных военно-технических связей оказывают влияние два фактора. *Во-первых*, это сотрудничество имеет давнюю

традицию, которая, за исключением примерно пятнадцатилетнего периода правления Кемаля Ататюрка, не прерывалась с начала этого века. Именно ФРГ наряду с США была основным поставщиком вооружений для турецкой армии, в том числе и на завершающем этапе *холодной войны*, когда ФРГ осуществила крупные *каскадные* передачи Турции относительно современных вооружений. *Во-вторых*, после объединения с Восточной Германией бундесвер получил в свое распоряжение значительные арсеналы вооружений советского производства. Именно эти вооружения идеально подходят для осуществления сложных схем по *серым* поставкам вооружений в Азербайджан через Турцию, поскольку трансферты ВВТ производства стран НАТО легко обнаруживаются как спецслужбами, так и в ходе журналистских расследований.

Так, первый канал немецкого телевидения *Факт* сообщил о случаях *серого* экспорта немецкого оружия и военной техники в районы вооруженных конфликтов на территории СНГ. Ведущий передачи рассказал о том, что снаряды с немецкой маркировкой были обнаружены в Азербайджане, куда они попали скорее всего через Турцию. Участвовавший в передаче эксперт по вооружениям Артур Грин заявил, что лично наблюдал в азербайджанской армии немецкие снаряды со складов НАТО. Эти снаряды соответствуют натовскому стандарту 81 миллиметр. На снарядах имелась турецкая надпись "81 миллиметр TNT" и маркировка НАТО "M43-A1-B1". На ящике с 81-миллиметровыми снарядами А. Грин обнаружил надпись "AZBM 111". Это немецкая аббревиатура - "взрыватель, немецкий, образца 111". Изготовитель - фирма ЮНГХАНС в Шварцвальде. МКЕК, турецкий партнер этого немецкого предприятия, отрицает факт поставки оружия в Азербайджан. Турецкое правительство заявляет то же самое. Однако, говорилось в передаче, скрытно от общественности 10 июня 1996 года было подписано военное соглашение между Турцией и Германией, где речь шла прежде всего о военно-техническом сотрудничестве. В передаче делался вывод о том, что несомненным фактом является обладание Азербайджаном натовским оружием и немецким ноу-хау.

Вторым после Германии крупнейшим партнером Азербайджана по *серой* торговле вооружениями является Украина. В 1995 году было заключено украинско-азербайджанское соглашение, в котором Баку обязался поставлять Киеву нефть и нефтепродукты в обмен на вооружения и боеприпасы. Украина также предоставляет инструкторов для оказания помощи в техническом перевооружении азербайджанской армии. По сообщениям армянской стороны, в 1992-1993 годах Азербайджан тремя партиями закупил 150 танков и 10 боевых самолетов, о чем были уведомлены государства-участники Договора об обычных вооружениях в Европе. Без такого уведомления Баку закупил 12 самолетов МиГ-21, 4 Су-15, 2 Су-25, а также 100 танков Т-55. Весной 1994 года в Азербайджан спецрейсами были доставлены запчасти к танкам Т-62. В 1995 году Азербайджан получил авиабомбы с полуактивной системой лазерного наведения и противорадиолокационные ракеты *воздух-земля* Х-25 МЛ и Х-29. В 1996 году в Азербайджан доставлены 2600 ракет для реактивных систем залпового огня БМ-21.

По сведениям из армянских источников в Баку готовятся получить 8 фронтовых бомбардировщиков Су-24, 18 авиадвигателей и ракеты к РСЗО *Ураган*. К работе на азербайджанском танковом заводе и заводе вертолетных двигателей приступили иностранные специалисты. Намечено организовать совместное производство управляемых ракет класса *земля-земля* и авиационных турбореактивных двигателей.

Известно, кроме того, что еще в 1992 году Турция закупила у Германии военную технику советского производства, ранее бывшую на вооружении армии ГДР, с целью последующей передачи этой техники в Азербайджан. Формально закупки были выполнены на сумму 800 миллионов долларов, однако истинная цена этого оборудования значительно превышает выплаченную Турцией. По мнению армянских экспертов, общая реальная стоимость вооружения армии бывшей ГДР, переданного из Турции в Азербайджан, составляет около трех миллиардов долларов (18). Армянские специалисты считают, что сама Турция не нуждается в вооружениях советского и российского производства, поскольку ее армия

оснащена системами оружия натовских стандартов. Следовательно, эти вооружения могли предназначаться только для передачи в Азербайджан или для продажи на других *серых* рынках вооружений.

Таким образом, можно констатировать, что важное геополитическое положение и растущее геоэкономическое значение Закавказья делают этот регион крупнейшим потребителем *серых* поставок вооружений, которые осуществляются прежде всего в военно-политических целях. Спецоперации в регионе проводят как Россия, так и страны НАТО, прежде всего Германия и Турция. Повышенную активность на *сером* рынке Закавказья, и не только Закавказья, развивают также Украина.

Глава III. Пример 2. Украина: неудачный выход на оружейный рынок

Проблемы, возникающие с контролем за экспортом вооружений у России, в еще более острой форме присущи другим странам СНГ, прежде всего Украине, обладающей вторым после российского военно-промышленным потенциалом. Если в России на поведение политической элиты, даже сильно деградировавшей и провинциализировавшейся, оказывает влияние мощная национально-государственная традиция и сохранившийся относительно профессиональный и компетентный государственный аппарат, то в новых независимых государствах такая традиция и аппарат отсутствуют. В результате процессы примитивизации внешнеполитического и внешнеэкономического поведения оказываются выражены в гораздо более высокой степени, что в полной мере видно и на примере военно-технического сотрудничества.

В момент распада СССР на территории Украины был размещен весьма значительный военный и военно-промышленный потенциал. Здесь дислоцировалось 37 дивизий, на вооружении которых находилось 9293 танка, 11 346 бронемашин, 18 240 артиллерийских систем. Здесь же было размещено 130 межконтинентальных баллистических ракет с 1652 ядерными боеголовками. Украине достались стратегические бомбардировщики Ту-160 и

Научные Записки ПИР-Центра №8

Ty-22M с 460 ядерными авиационными бомбами. Зарубежные источники оценивали стоимость всего этого военного имущества в 89 млрд. долларов(19).

С такими стратегическими запасами Украина первоначально вышла на мировой рынок оружия и военной техники. На сегодняшний день вооруженные силы Украины имеют в своем составе 4080 танков, 5050 бронемашин, 4040 артиллерийских систем, 1090 самолетов, 330 вертолетов. В зарубежных средствах массовой информации не раз публиковались сообщения о продаже Украиной излишков вооружений в зоны вооруженных конфликтов - Азербайджан, Афганистан, (Южный) Йемен, ЮАР и Боснию.

Постепенно от распродажи арсеналов советской армии Украина перешла к поставке продукции своих производителей военной техники и оружия. О диапазоне предлагаемых вооружений можно судить по международной выставке вооружений IDEX-95 и 97, на которых десятки украинских предприятий представили сотни наименований военной продукции.

Однако нельзя не заметить, что через официальные государственные фирмы реализуется лишь та военная продукция, которая с трудом находит покупателя из-за ее высокой стоимости и жесткой конкуренции крупных держав. Именно поэтому Украина вынуждена продавать свои в целом очень качественные вооружения по демпинговым ценам. Около года Украина вела переговоры о поставках Йемену 12 самолетов Су-17М4Р. Продать удалось только четыре единицы по цене всего лишь 0,5 миллиона долларов за штуку, в то время как средняя стоимость самолетов такого класса составляет несколько миллионов долларов.

Армения не раз обвиняла Украину в поставках в Азербайджан танков и самолетов. В западной прессе публиковались сообщения о поставках Украиной самолетов МиГ-29 для ЮАР, военных кораблей - для ряда арабских стран, а также приводились свидетельства об экспорте украинского оружия в Анголу и Южный Йемен.

В марте 1995 года на принадлежащих Португалии Азорских островах был

задержан украинский грузовой самолет, на борту которого было обнаружено оружие и боеприпасы, в то время как в сопроводительных документах были обозначены к провозу медикаменты.

Весной 1996 года судно с украинскими снарядами было задержано у берегов Таиланда. Но наиболее серьезные обвинения предъявлялись Украине по поводу поставок оружия хорватам и мусульманам в Боснию. Как заявил эксперт Центра по вопросам обороны Лондонского университета доктор Джеймс Гоу, поставки Украиной больших партий оружия в Хорватию осуществлялись исключительно на неофициальном уровне. Они политически немотивированы и продиктованы только финансовыми соображениями. Сведения о неофициальных поставках украинского оружия в Хорватию подтверждаются высшими офицерами югославской армии, а также сообщениями сербской и хорватской прессы.

Наличие на Украине значительного теневого сектора, занимающегося торговлей оружием на международном уровне, подтверждают сообщения органов МВД и СБУ. В конце 1995 года в результате операции, осуществленной совместно с правоохранительными органами других стран, было задержано около пяти тысяч тонн боеприпасов (20). Во время международной конференции "Европейское сотрудничество в борьбе с терроризмом и международной преступностью" сообщалось, что СБУ выявила и пресекла грубые нарушения закона в ходе осуществления внешнеэкономических операций некоторыми предприятиями Минмашпрома Украины. В частности, прекращено выполнение контрактов на поставку взрывчатых веществ иностранным фирмам, под прикрытием которых действовала международная террористическая организация *Тигры освобождения Тамил Илама*.

Фактически официальные организации Украины, занимающиеся торговлей оружием, являются лишь благопристойной ширмой и осуществляют не более 20 процентов экспортных сделок (21).

Несмотря на создание на базе трех внешнеторговых организаций *Прогресс*,

Украинмаш и *Укробонэкспорт* единой монопольной организации *Укрспецэкспорт*, сегодня еще трудно говорить о наличии в стране объективных условий, позволяющих резко изменить сложившуюся в этом секторе ситуацию. Сферы влияния между государственным и теневым рынком вооружения строго поделены, обе стороны имеют мощное лобби в учреждениях законодательной и исполнительной власти, которое не позволит сломать сложившееся равновесие. Далеко не случайно, что за пять лет существования вооруженных сил Украины на армейских складах и арсеналах ни разу не была проведена комплексная ревизия военного имущества, а Генеральная прокуратура не довела до конца ни одного дела по данному вопросу.

Одним из направлений военно-технической политики Украины за рубежом, вызывающей серьезные сомнения в ее законности, являются усилия по выходу на рынок модернизации вооружений и военной техники, патентные права на которые принадлежат российским военно-промышленным предприятиям и корпорациям. Так, в декабре 1996 года стало известно, что Украина и Израиль ведут переговоры с правительством Эфиопии о возможности проведения работ по модернизации 18 истребителей МиГ-21 МФ, стоящих на вооружении ВВС Эфиопии. Об этих переговорах стало известно после того, как четыре руководителя из израильской фирмы IAI, принимавших участие в сделке, погибли на борту авиалайнера Боинг -767 авиакомпании *Эфиопиан эйрлайнз*, который разбился во время попытки его вооруженного захвата. Переговоры, несмотря на трагический инцидент, были продолжены. В соответствии с соглашением, Украина будет нести ответственность за техническое обслуживание планера самолета и его модернизацию, а фирма IAI - за поставку и интеграцию бортового оборудования(22).

Украина также активно торгует дестабилизирующими системами оружия с государствами, подвергнутыми международным санкциям. Газета *Washington Times* опубликовала 19 декабря 1996 года сведения о возможных поставках Украиной вооружений в Ливию. По сообщению корреспондента этой газеты Билла Герца, две украинские организации продают Ливии оружие по соглашениям

между двумя странами на сумму примерно в 510 миллионов долларов. Сверхсекретный документ ЦРУ сообщает, что еще в июле 1996 года Украина получила от Ливии 3 миллиона долларов за ракеты Скад-Б (23). В докладе ЦРУ отмечается, что грузы неуказанного украинского оружия проследовали в Ливию через Иран. Между тем президент Украины Леонид Кучма отрицает какую-либо причастность к продаже оружия в Ливию. Более того, в ходе своего визита в Израиль он заверил премьер-министра Нетаньяху в том, что Украина не продает оружия Ливии или Ирану.

Дополнительную пикантность ситуации придало то обстоятельство, что в США существует закон, который предусматривает введение санкций против любого союзника США, торгующего с Ливией. Соответственно, вся программа помощи США Украине должна была бы быть поставлена под сомнение. Между тем известно, что в 1996 финансовом году Украина получила от США помощи на сумму 226 миллионов долларов.

Особое беспокойство Соединенных Штатов вызвали сообщения о возможной продаже Украиной в Ливию высокоточной тактической ракеты СС-21 *Точка*. Соответствующее сообщение со ссылкой на "совершенно секретный" доклад ЦРУ сделала американская газета *Washington Times*. Согласно данным ЦРУ, сделку по продаже ракет ливийскому режиму заключили два юридических лица. Сделка нарушает санкции ООН, введенные против Ливии в 1992 году. Сделка оценивается в 500 с лишним миллионов долларов. Кроме того, ЦРУ утверждает, что Украина по отдельному контракту оказывает Ливии помощь в ремонте подводных лодок и других кораблей, поставленных еще во времена Советского Союза. С этой целью налажена отправка в Триполи необходимых запасных частей и комплектующих на общую сумму в 10 миллионов долларов.

Третье соглашение, как сообщает американская газета, ссылаясь на секретный доклад, подписано в августе 1996 года и предусматривает продажу партии вооружений Ирану, откуда оно транзитом должно быть отправлено в Ливию. Доклад ЦРУ датирован вторым октября 1996 года, и в нем указывается, что добытые сведения "не подлежат

сомнению”. После появления публикации украинские официальные лица дали весьма странные комментарии. Начальник управления информации МИД Украины Ю. Сергеев заявил, что материал газеты *Washington Times* подготовлен непрофессионально, поскольку “баллистических ракет малого радиуса действия не существует” (24). Источник в министерстве обороны Украины заявил, что “[е]сли говорить о баллистических ракетах, то речь может идти только о межконтинентальных ракетах, но все их ядерные заряды Украина отдала, а без них ракеты - хлам” (25). Эти заявления представляются в высшей степени загадочным, поскольку определение *баллистический* вполне применимо к ракете СС-21, так как относится к траектории полета, а не к его дальности. Вызывает также удивление непонимание источником в министерстве обороны Украины военной ценности ракет, даже если с них сняты ядерные боеголовки. Заявления такого рода в полной мере отражают уровень интеллектуальной и речевой культуры украинских товарищей.

Согласно другим сообщениям американской прессы, Украина подозревается в передаче элементов технологии производства межконтинентальных баллистических ракет в Китай. Если эти сообщения соответствуют действительности, то они могут означать, что Киев оказывает Пекину критически важную для Китая помощь в преодолении отставания последнего в области точности наведения МБР. Фактически речь может идти о приобретении материковым Китаем реального стратегического потенциала межконтинентального воздействия на любого потенциального противника.

Таким образом, в украинском случае мы находим сочетание ряда факторов, делающих Украину особенно дестабилизирующим источником *серого* экспорта вооружений. К числу этих факторов относятся наличие крупного и современного военно-промышленного комплекса, переживающего коллапс и остро нуждающегося в финансовых ресурсах; низкая государственная культура и коррумпированность украинских официальных лиц и представителей ВПК; а также необеспеченное реальными ресурсами стремление Украины играть роль

геополитического противовеса России на территории постсоветского пространства. Совокупность этих факторов делает Украину, возможно, наиболее крупным мировым *серым* поставщиком вооружений. Многие из которых носят предельно дестабилизирующий характер.

Заключение

Развитие системы МО последних лет носит крайне противоречивый характер. *С одной стороны*, долговременная тенденция состоит в нарастании степени ее саморегуляции и самоорганизации. *С другой* - после окончания *холодной войны* произошла ее фрагментация и анархизация. В настоящее время трудно сделать вывод о том, являются ли процессы потери контроля за ситуацией в целом ряде стратегически значимых и обширных районах локальной флюктуацией или долговременной тенденцией.

Именно от ответа на этот вопрос зависит прогноз относительно дальнейших перспектив развития *серых* трансфертов вооружений и военной техники в мире. Очевидно, что в случае дальнейшего расползания по миру *вакуумных* зон, увеличения числа коллапсирующих государств, криминализации политических режимов, роста могущества наркобаронов *серый* рынок будет процветать и в дальнейшем. В случае же стабилизации постсоциалистических режимов, укрепления центральной власти в государствах бывшего *третьего мира*, восстановления государственности в дезинтегрированных странах, *серые* поставки будут вытесняться легальным транспарентным оружейным бизнесом, осуществляемым в соответствии с нормами международного права.

Вероятность стагнации или рецессии *серого* рынка вооружений возрастет также в том случае, если система международных отношений вернется к состоянию жесткого противостояния двух или более полюсов силы. В этом случае количество *бесконтрольных* зон снизится, а степень управляемости всей системы возрастет. Естественно, что речь вряд ли может идти о возобновлении ситуации российско-американского противостояния. Развитие ситуации по данному варианту возможно скорее всего в случае возникновения американо-китайского противостояния.

Пока же можно предложить следующие возможные меры по ограничению дальнейшего распространения нелегальных продаж:

1. Частичное снятие блокады с *государств-изгоев*, что позволит легализовать ВТС с этими странами.
2. Введение жестких экономических и политических санкций против тех постсоциалистических и постсоветских стран, которые особенно активно практикуют нелегальные поставки вооружений или действуют в нарушение патентных прав.
3. Оказание помощи вооруженным группировкам в дестабилизированных странах, которые способны восстановить эффективный государственный контроль в *серых*, или *вакуумных*, зонах.

Литература

1. *Коммерсантъ-Weekly*, 17 июня 1997, с. 4
2. Интервью Генерального директора ГК "Росвооружение" А. Котелкина в программе *Герой дня* 30 марта 1997 года
3. *Jane's Intelligence Review*, April 1997, v.9,#4, pp.187-190
4. Выступление директора ФПС А. Николаева на заседании клуба газеты *Московские Новости*. Июнь 1996 года
5. *Jane's Intelligence Review*, May 1997, v.9,#5, pp. 232-238
6. Ibid.
7. Ibid.
8. *Труд*-7, 4 апреля 1997
9. *Коммерсантъ-Daily*, 12 апреля 1997
10. *Независимая Газета*, 3 апреля 1997
11. Там же
12. *Сегодня*, 28 марта 1997
13. Цит. по: *Коммерсантъ-Daily*, 15 апреля 1997, с.1, 2
14. Электронный банк *ИНФО-ТАСС*, база *Вега*, 12 мая 1997
15. Там же
16. *Defense News*, September 02-08, 1996, v. 11, #35, pp. 4, 56.
17. *Независимая Газета*, 11 апреля 1997
18. *Независимая Газета*, 3 апреля 1997
19. *Независимое военное обозрение*, 3 февраля 1996
20. *Независимое военное обозрение*, 3 февраля 1997
21. *Независимое военное обозрение*, 3 февраля 1997
22. *Flight International*, December 4-10, 1996, v.150, #4552, p.19
23. Электронный банк *ИНФО-ТАСС*, база

Вега, 30 декабря 1996

24. *Известия*, 11 декабря 1996

25. Там же

Комментарий

Дмитрий Евстафьев, директор проекта ПИР-Центра "Гражданский контроль над военными структурами в России", кандидат политических наук.

Отказавшись от использования в докладе *жареных фактов*, автор пожертвовал *доступностью* и, быть может, даже *актуальностью*. Но в результате перед не очередное журналистское *расследование*, но полноценное аналитическое исследование. Оно вряд ли даже частично *закроет* рассматриваемую тему, выступая в то же время полноценной отправной точкой для начала широкого обсуждения проблемы *серого* экспорта вооружений из ННГ.

Безусловной заслугой автора является разграничение понятий *серый* и *черный* экспорт вооружений (хотя, введя оба понятия, он в дальнейшем сам не всегда их придерживается, и подчас два *цвета* экспорта выступают у него как синонимы), что по сути является ценным методологическим результатом произведенного исследования. В то же время, это является и важным политическим выводом.

Следует согласиться с мнением автора, что после окончания *холодной войны* *серый* экспорт приобрел гораздо большее геополитическое звучание, нежели в период *холодной войны*, когда он носил характер вспомогательного элемента общей системы военно-технического сотрудничества и торговли оружием. Однако в данном случае вряд ли можно согласиться с точкой зрения автора, что *серый* экспорт является феноменом, присущим *только* постбиполярному периоду. На мой взгляд, *серый* экспорт как элемент политики государства в сфере ВТС существовал всегда. Ибо понятие *серый* экспорт более относится к форме поставок, нежели к их законности. В конечном счете, поставки - даже не декларируемые - вооружений из одного государства в другое, даже находящиеся в периоде *полураспада* вряд ли можно считать незаконными.

Другое дело - поставки вооружений на государственном или окологосударственном уровне для антиправительственных группировок, частных армий или непризнанных государств, однако такие явления вряд ли можно безусловно относить к феномену *серого* экспорта. Представляется, что это классический *черный* экспорт вооружений, и отношение к нему должно быть соответствующее - сугубо негативное; однако имелись и формально законные, более того, не только не *черные*, но даже и не *серые* поставки вооружений негосударственным участникам ВТС, а вполне откровенные, более того, оформленные и с формально-юридической точки зрения. Имеются в виду, в частности, поставки таких вооружений, как ПЗРК *Стингер* афганским моджахедам. Другой вопрос, что будучи формально легальными, эти поставки - равно как и ВТС США с никарагуанскими *контрас* - на определенном этапе стали носить абсолютно все черты классического *черного* экспорта и, прежде всего, высокую степень криминализации поставок, *хвосты* от которых тянутся и по сей день.

Также вряд ли можно полностью согласиться с мнением автора, что характер сегодняшнего *серого* экспорта определяется спросом. Спрос и на *сером*, и тем более на *черном* рынке вооружений всегда был высоким. И вряд ли можно говорить, что сейчас уровень спроса на вооружения при нелегальной или полунелегальной форме поставки оружия превышает тот, который был в начале восьмидесятых годов, в разгар советско-американской конфронтации и пика развития повстанческих движения различной политической направленности. Однако изменение значения *серого* экспорта является фактом. И, на мой взгляд, это связано прежде всего с изменением характера предложения вооружения. Ни *контрас*, ни *моджахеда*, ни просоветские или *прокубинские борцы за социальный прогресс* не могли даже и мечтать о том качественном (не говоря уже о количественном) уровне вооружений, который стал доступен сейчас. К тому же - и это естественный парадокс процесса демократизации международных отношений - порядка в них стало гораздо меньше, и теперь получить в своей распоряжение даже тяжелую технику через механизмы *серого* и тем более *черного* рынка вооружений не составляет проблемы.

Источников такого качественного рывка *серого* рынка было два: получение в распоряжение объединенной Германии колоссальных запасов вооружения Национальной народной армии ГДР и приватизация арсеналов Советской армии в ННГ, в частности, на Украине и в Закавказье. В результате количество и качество вооружений - даже если учитывать высокий процента их выбытия из строя в результате вооруженных конфликтов - резко увеличился.

Другой вопрос, который необходимо поставить по прочтении работы К. Макиенко, заключается в том, допустимо ли для государства, являющегося полноценным членом мирового сообщества, использовать *серый* экспорт вооружений. С одной стороны, проведение такой политики явно противоречит если не букве, то как минимум духу постбиполярной системы МО. Но, с другой, примеры Германии, обеспечившей стабилизацию Хорватии в противоборстве с Сербией и сербскими сепаратистами, а также Соединенных Штатов, осуществляющих свою политику на Балканах в значительной мере посредством *серого* экспорта, да и некоторые другие эпизоды сегодняшних МО показывают, что *серый* экспорт вооружений является эффективным способом коррекции геополитической обстановки в том или ином регионе и поддержки собственного союзника, который в силу целого ряда причин не может получать оружие открыто. А значит такие методы внешней политики будут в течение достаточно длительного времени привлекательными, особенно для государств, которые имеют техническую и финансовую возможность оказывать своим союзникам такую поддержку. Но неизбежно встанет вопрос о том, как то или иное государство-получатель сможет распорядиться поставленным вооружением и военной техникой, ибо этих поставок как бы не существует для внешнего мира. Именно такие вопросы встают по прочтении той части работы К. Макиенко, которая посвящена российским поставкам вооружения Армении.

В действительности проблема может оказаться шире и значительнее - *серый* экспорт вооружений в сегодняшних условиях встает в ряду факторов, подрывающих международную

стабильность в постбиполярном мире наравне с такими явлениями, как угроза распространения ОМУ, неконтролируемая миграция населения, межэтнические конфликты. И этой проблемой мировому сообществу придется рано или поздно заниматься, отбросив в сторону *политическую целесообразность*.

Не все положения, высказываемые автором могут быть приняты. Это прежде всего касается рекомендации о безусловном снятии эмбарго на поставки вооружений *государствам-изгоям*. При всем том, что опыт международных санкций показал границы их эффективности, в том числе и с точки зрения ограничения укрепления такими режимами собственного военного потенциала, думается, что предложение о легализации ВТС с подобными режимами чрезмерно радикально. Ведь в любом случае, при всей нынешней дискуссии о правомерности сохранения санкций против Ирака, справедливости введения и сохранения санкций против Сербии или Ливии, фактом остается то, что они были введены на основе легитимного решения СБ ООН. К тому же, специалисты не могут пройти мимо такого простого факта, что основания для их введения отнюдь не были взяты кем-то с потолка.

Действительно, будут ли поставки вооружений в Ирак способствовать региональной стабильности (и, кстати, как они отразятся на планах российских экспортеров вооружений выйти на новые и более коммерчески выгодные рынки арабских стран Персидского залива) и насколько расширение ВТС с Северной Кореей подтолкнет развитие мирного процесса на Корейском полуострове? Вопрос насколько интересен и злободневен, настолько же и открыт. Давать простой ответ, как его формулирует в «Заключении» К. Макиенко, просто опрометчиво. Еще более сложным является вопрос о легализации экспорта в государства, политические системы которых находятся в состоянии распада, как например в Афганистане или целом ряде африканских стран. В случае отсутствия ограничений на ВТС с ними, гражданские войны там будут продолжаться до бесконечности.

Другой вопрос заключается в том, что введение санкций в области ВТС должно быть с формальной точки зрения более четко регламентировано, с тем, чтобы

легитимность таких решений была бы безусловной и не подвергалась сомнению, а для этого нужен будет соответствующий механизм. Необходим и соответствующий механизм контроля за выполнением принятых решений, ибо последние события в Конго и не вполне убедительные заявления о непричастности российских летчиков к контрабанде (после которых оставались вопросы о том, кто же зафрахтовал их самолеты, кто санкционировал в России их полеты в воюющей стране и почему не все они решились возвратиться на Родину, а также, что за грузы они перевозили) оружия в эту воюющую страну оставляют достаточно много вопросов. Тем более, что и захват российского самолета в Афганистане - тоже, заметим, из Татарстана, как и авиаторы, задержанные в Конго, - при всей *героике*, сопровождавшей освобождение экипажа, также не снимает вопрос о том, что самолет действительно перевозил боеприпасы одной из сторон-участниц внутреннего конфликта.. Подобные же вопросы встают и при обращении внимания на пока еще мирную Боснию и Герцеговину и скорость, с которой набирает силу мусульманская армия.

Представленный доклад наверняка будет интересен широкому кругу специалистов в сфере международных отношений и проблем безопасности. В то же время, автору вряд ли стоит рассчитывать на единодушное признание его точки зрения, ибо тема, которую он затронул, даже при аналитической отстраненности изложения, все же слишком связана с текущей политической конъюнктурой и жестко формулируемыми финансовыми интересами олигархических групп.